

СМЕРТЬ, ГОРЕ И СМЫСЛ ЖИЗНИ

Демонстрация терапевтической работы с утратой*

Альфريد: Привет, Титус! Спасибо, что пришел! Могу я представить тебя? Может быть, ты скажешь несколько слов о себе? Как тебе кажется, будет полезно нам знать о тебе? Ты же не австриец?

Титус: Нет, но мой отец — немец.

Альфريد: Это великолепно. Ты говоришь по-немецки?

Титус: Нет, но ты говоришь, как он (*смеются*).

Альфريد: Что ж, половина работы сделана (*смеются*).

Титус: Это правда. Как ты мог это сделать со мной, папа? (*смеются*).

Альфريد: Ну хорошо. Ты из Ванкувера?

Титус: Нет, я из Миннесоты. Я учился в Ванкувере на теолога.

Альфريد: Давно ли ты живешь в Ванкувере?

Титус: Я живу здесь с 2001 года.

Альфريد: Ты гражданин Канады?

Титус: Нет, я — американец с видом на жительство в Канаде, жду гражданства.

Альфريد: А душой?

Титус: После выборов во вторник я все еще чувствую себя гораздо более американцем, чем канадцем. Но я ценю Канаду.

Альфريد: Может быть, ты что-то еще хочешь рассказать о себе перед нашим разговором?

Титус: Что конкретно ты хочешь узнать обо мне?

* Перевод осуществлен с видеозаписи демонстрации терапевтической работы профессора А. Лэнгле, проведенной после лекции «Смерть, горе и смысл жизни» с одним из слушателей (08.11.2012). Видеозапись доступна на <https://www.youtube.com/watch?v=NH9o4rH3NhM>

Альффрид: Ну, может быть, что-то в контексте того, о чем будет наша беседа?

Титус: Я переехал сюда в 2001 году получить степень магистра по теологии, я вырос в достаточно религиозной семье, поэтому переезд сюда стал для меня возможностью проверить собственную веру на практике. Учеба дала мне прекрасный опыт. С годами мои взгляды на религию и жизнь сильно поменялись. Но я все еще держался основных принципов моей веры. Я все еще называл себя христианином. Все это было до тех пор, пока не умер мой племянник, сын моего брата. Он родился с пороком сердца. Он пережил много страданий — операции на открытом сердце, много всего за свою короткую жизнь (*плачет*). И умер, когда ему было 4... И он умер не от проблем с сердцем, он умер от сепсиса... очень быстро, за 24 часа. Доктора продолжали думать, что ему становится хуже из-за сердца, и даже не подумали, что это может быть что-то другое, не смотрели в ту сторону... И он умер так быстро... Это сильно отразилось на мне во многих отношениях. И не только это. Даже больше, чем это. Я и брат очень близки, он — мой лучший друг. Видеть, что эта трагедия сделала с братом, для меня ужаснее, чем сама смерть. В день, когда умер Майкл (*племянник*), брат оставил на парковке свою машину. Мы потом поехали вместе ее забирать. И когда брат открыл дверцу... Лицо брата, который смотрит на детское креслице, остается со мной навсегда.

Альффрид: Ты изучал теологию, ты был честным и порядочным человеком. И у тебя были хорошие идеи насчет жизни, ее понимание. И потом случилось это...

Титус: Самое тяжелое, это то, что раньше я знал, что со мной случится, когда я умру, но теперь я не знаю, я растерян и напуган. Я никогда не боялся смерти, потому что знал, что будет... Конечно, с возрастом мои представления о жизни и смерти менялись, но смерть Майкла была последней каплей, она все перевесила...

Альффрид: Боишься ли ты смерти сейчас?

Титус: Да, я очень боюсь умереть (*нервный смешок*). Я не хочу умирать. Я нравлюсь себе, и я не хотел бы закончиться. Это страшно...

Альфريد: И это все из-за смерти Майкла? Только это или было еще что-то в твоём опыте?

Титус: Да... Но также вещи, которые ассоциируются с этой смертью. Видеть страдания брата, и то, каким он стал...

Альфريد: Он не понимает или не принимает? Все еще страдает больше, чем ты?

Титус: Мой брат проходит через похожий процесс, только для него это более глубокая рана. И для него это все еще не в прошлом... Для меня это приходит наплывами, потому что я не в Миннесоте, а они в этом живут два года. Каждый раз, когда я думаю об этом, это ударяет меня достаточно сильно. Не знаю, единственная ли это проблема, но эта — главная.

Альфريد: Что делает это таким значимым? Конечно, мой вопрос может показаться неделикатным, потеря столь велика, что этот вопрос представляется недопустимым, а ответ очевидным... Но несмотря на это, я хочу спросить тебя, что делает это таким сложным: невозможность понять произошедшее или просто потому, что Майкла больше нет с вами, а ты так любил его? И это влияет на ваши жизни — твою и брата? Это страдание из-за потери Майкла или это страдание от того, что хотя ты — теолог, ты не понимаешь, как это могло произойти и в чем тут Божья воля? Первый вопрос или второй, или оба понемногу?

Титус: Точно оба. Я перестал молиться. Я очень надеюсь, что я не прав, и я надеюсь однажды снова найти в себе веру, но пока что этого нет. Я просто так горюю, что Майкла больше нет. Он был таким сладким малышом... (*близко слезы*). И как это могло случиться? Я, конечно, был бы плохим Богом, но я бы такого никогда не допустил... Я бы знал, что этого нельзя делать (*усмехается*).

Альфريد: Да, ты не допустил бы этого в роли Бога... (*усмехается*). Ты не мог бы рассказать мне о своих отношениях с Майклом? Вы с ним любили играть?

Титус: Я все это время жил отдельно, но часто ездил домой, и мы часто играли. У него были старшие брат и сестра, и я больше имел дело с ними; развитие Майкла отставало из-за операций, но мы, конечно, общались. Ему нравились машины — и игрушечные, и настоящие. Одно из моих последних воспоминаний: мы вместе играем в машинки...

Альфريد: И это было так хорошо...

Титус: Да.

Альфريد: А что было таким хорошим? Что он дарил тебе в этот момент? Радость?

Титус: Майкл так радовался, и я разделял его восторг.

Альфريد: Разделял эту радость...

Титус: Мы играли с ним так, как ему хотелось...

Альфريد: Да, многие знают, что дети могут быть такими открытыми, с распахнутым сердцем, сильное впечатление производит эта радость жизни... Именно так?

Титус: Да, и тот факт, что он проходил через столько страданий, две операции на открытом сердце, но при этом был самым счастливым маленьким мальчиком... такой радостный...

Альфريد: И это был контраст с той болью, которую он испытывал, и временем, проведенным в больнице.

Титус: Да.

Альфريد: У меня складывается впечатление, что он олицетворял радость и любовь к жизни, невзирая на две операции на открытом сердце и ужасный опыт.

Титус: Я не знаю, как это описать. Из-за того, через что ему пришлось пройти, он стал более жизнерадостным, чем другие дети.

Альфريد: Он сильнее радовался жизни, чем другие дети?

Титус: Да, я так думаю.

Альфريد: Он не был депрессивным из-за того, через что ему пришлось пройти? Он радовался жизни.

Титус: Да.

Альфريد: Может быть даже больше, чем его брат и сестра, как ты думаешь?

Титус: Да.

Альфريد: Он был как-то по-особенному радостным.

Титус: Да, точно. И с людьми, и в одиночестве. Ему нравилось общаться с людьми, но он также любил уйти куда-то один, просто получал удовольствие от всего. Не как его брат и сестра...

Альфريد: Он как будто был более зрелым?

Титус: Да-да! Именно так правильно сказать.

Альфريد: Такой по-настоящему милый, наполненный, к которому другие чувствуют симпатию, ощущают связь с ним. Это вносило веселье в твою жизнь, ваши встречи были радостными, ты мог играть с ним. Так что ты потерял очень важного человека.

Титус: Это было важным для меня.

Альфريد: Это было важно для тебя. Если это было важным для тебя, как бы ты описал послание, которое он сообщил тебе своей жизнью?

Титус: Послание мне?

Альфريد: Да.

Титус: М-м-м... Возьми игрушки и играй (*хмыкает*).

Альфريد: Очень мудрые слова. Он как бы сказал: не останавливай игру! Титус, учись у меня, возьми это у меня! Не прекращай играть! Возьми немножко игрушек и получай удовольствие от жизни! Это мое послание тебе!.. Это и есть то, чем моя жизнь была хороша, и я оставляю тебе это послание? Похоже на правду?

Титус: Я думаю, да.

Альфريد: Ты сможешь следовать этому после всего, что произошло, как думаешь?

Титус: Я не знаю...

Альфريد: Но это послание от Майкла, чтобы спасти тебя! Как будто он говорит: «Не забывай меня, иди играй и не забывай меня... Всегда, когда ты играешь, я присутствую. Это мое послание тебе. Ты говорил со мной, я отвечал тебе, вот это мое послание». Ты не можешь вернуть Майкла, но ты можешь оставить себе его послание.

Титус: Да-да, это правда. Но кто знает, где Майкл сейчас?

Альффрид: Кто знает, где сейчас Майкл? Мы не знаем. Мы можем верить или не верить. Но нам не дано знать, но... мы все знаем, где Майкл сейчас — он здесь. Он живет в твоей памяти.

Титус: Да, но это не то же самое... Это другой Майкл! Я не могу обнять его. Память — это прекрасно, но это не заменит...

Альффрид: Это другой Майкл или это другая форма отношений с Майклом? Майкл поменялся? Это теперь новый человек? Он изменился? Его какие-то характеристики? Это не тот Майкл, с которым ты играл? Твоя память узнает Майкла, или она создает иного человека?

Титус: Я не знаю.

Альффрид: Разве ты не можешь говорить с Майклом внутри себя? И представить себе (как мы раньше обсуждали), что бы он сказал, если бы... Ты можешь внутри себя спросить, какое послание ты мне оставляешь? Когда мы сейчас говорили, ты дал очень быстрый ответ. Для меня это выглядело так, как если бы ты уже знал, что бы он сказал. И это — про то, что ты его хорошо знаешь. Ты можешь взять оттуда какие-то ответы? Ты можешь говорить с ним в душе. Мы не знаем, где находится Майкл. Его тело под землей. Но он жил и был здесь, и сейчас он все еще присутствует в твоём мире. И там, в своём мире, ты его чувствуешь, ты чувствуешь утрату, потому что не можешь дотронуться до него. Это горько.

Титус: Я не знаю... Мне не нравится идея, что он здесь, со мной. Я чувствую, что это ложь. Если это не ложь, то это не то, это сильно отличается, очень сильно. Потому что мне кажется, что это просто способ утешить себя, справиться с утратой. Вместо того, чтобы просто признать, что его больше нет... Я могу слышать его голос, но это не то же самое...

Альффрид: Это верно.

Титус: Я не знаю, это как будто я его выдумываю; не уверен, что это хорошая идея — выдумывать разговоры с Майклом, потому что это же я грущу и мне нужно услышать

что-то от него, поэтому я придумываю, что бы он мне сказал, а потом сам же и смеюсь над ним: ты такой смешной, Майкл... *(плачет и смеется)*.

Альфريد: Да, скорее всего он бы заставил тебя смеяться и поделился бы радостью жизни. И это бы наполнило твое сердце любовью, как это и происходит сейчас... Конечно, ты прав, его нет с нами, это точно так, это не изменить. Ты не можешь дотронуться до него, но ты все еще любишь его. Там все еще есть твоя любовь.

Титус: Я любил его.

Альфريد: Ты больше его не любишь?

Титус: Не знаю. Я любил его, и я не знаю, могу ли я любить его сейчас. И это очень тяжело. Я хотел бы его любить.

Альфريد: Ты чувствуешь связь с ним?

Титус: Я чувствую связь со своей памятью о нем.

Альфريد: Эта память о нем? Твоя память представляет его в то время, как физически его нет? У тебя же были воспоминания о нем, когда он был жив. И эти воспоминания постоянно менялись с каждой новой встречей. А теперь они приняли окончательный вид, больше нет изменений. Но в твоей памяти, мне кажется, ты все еще способен быть затронутым им. Ты чувствуешь себя связанным с ним: «Как бы я хотел, чтобы он был здесь. Как бы я хотел поиграть с ним сейчас. Сейчас он был бы немного старше, может быть, мы покатались бы на велосипедах, и это было бы замечательно. Мне бы очень хотелось этого, он как солнечный лучик. Он чистое воплощение радости. У меня больше нет этого, и моя жизнь обеднела. Я многое потерял, и я не могу изменить это». Как ты думаешь, сможешь ли ты позволить этому быть? Можешь ли ты сказать: это так? Это произошло. То, что было у меня на протяжении четырех лет с Майклом... и его братом и сестрой *(с ними все еще продолжается)*, с женой брата, но среди всех этих взаимосвязанных отношений есть отношения с Майклом. У тебя был шанс играть с ним 4 года, видеть его личико, его улыбку, его радость и любовь к жизни, — это факт, но то, что ты потерял его, — это тоже факт. Так ли это

для тебя? Или ты не можешь принять? Не можешь сдаться? Не можешь поверить в эту проклятую ситуацию: «Я не принимаю этого!» Есть ли внутри тебя протест?

Титус: Я не знаю. Я зол. Я взбешен, но я не думаю, что я не принимаю. Я понимаю, что то, что случилось, то случилось. Моя жизнь поменялась, я другой. И я вынужден жить с тем, что есть. Я злюсь, потому что я не понимаю, зачем я здесь вообще.

Альфريد: Что твоя злость говорит тебе? Как-то можешь выразить?

Титус (смеется): Э-м-м... Я не знаю, я бы выругался. Нехорошими словами.

Альфريد: Ты бы мог помочь мне выучить какие-то «нехорошие слова».

Титус: Я думаю, ты их знаешь (*смеется*). Нет, я думаю, что из-за того, что у меня самого есть дети, я дал им это прекрасное место — жизнь, и когда Майкл умер, черт, я понял, что дал им и смерть тоже. Я дал им жизнь, и они умрут, они могут встретиться с разными смертями... Я дал им все это. Это одновременно и благодать, и проклятье. И я чувствую себя грустным и злюсь, я не хочу этого для них.

Альфريد: Ты хочешь уберечь их от смерти? Ты хочешь защитить и своих детей тоже? Как это может быть жизнью, когда ребенок может умереть! И я злюсь на такую жизнь. Это не может быть, это недопустимо, так нельзя! Даже если не говорить о Боге (*поскольку это другая проблема*). Уже только этого достаточно.

Титус: Я не знаю, поменял бы я свое решение иметь детей, если бы это случилось до их рождения. Я не знаю, но я так люблю своих детей... Это так сильно на меня подействовало, когда я понял (*вздыхает*), что вообще-то надо было про это думать раньше. И это тоже меня расстраивает.

Альфريد: Это во многом связано с нашим пониманием жизни, особенно жизни наших детей: они не должны страдать, только радоваться. Мы все, родители и дяди, мы пытаемся сделать их жизни защищенной, и тем не менее такие

вещи как смерть случаются. Принадлежит ли смерть жизни? Оказалась ли жизнь не такой, как я себе ее представлял? Не такой, как я желал бы, чтобы она была? Что есть жизнь? Время для счастья? Есть ли у нас право на счастье?

Титус: Что для меня, я понимаю, что смысл в жизнь мы привносим сами. Жизнь, наполненная смыслом, происходит, потому что я так решил. Но мне тяжело с этим из-за моей жизненной истории, моего окружения. Я получаю удовольствие от того, чтобы быть собой, но я закончусь, а я не хочу. Я хочу продолжаться. Но тот факт, что я не знаю, буду ли я продолжаться после смерти, и в данный момент, я не верю в продолжение, это пугает меня. Это своего рода кризис. Я не знаю, как продолжать жить. Я не знаю, могу ли я быть счастливым. Я имею в виду, я могу быть счастливым, но, когда я думаю об этой ситуации...

Альффрид: Тогда ты забываешь о счастье.

Титус: Точно так. И я думаю об этом часто.

Альффрид: Если хороший день не будет вечным, не продолжится, то какой в нем смысл?!

Титус: Вот именно.

Альффрид: В этом и дело. Мимолетность ситуации. Мы здесь и сейчас хорошо разговариваем, но скоро это закончится.

Титус: Закончится.

Альффрид: Иногда мы счастливы, зная, что что-то закончится (*все смеются*).

Титус: Я не знаю, как это принять.

Альффрид: А иногда мы несчастливы, зная, что что-то закончится. Особенно, когда это касается ценностей, чего-то хорошего. Мы хотим, чтобы такие вещи продолжались. У нас есть желание вечности. И мы можем сделать их немного вечными. Знаешь, как?

Титус: Не знаю...

Альффрид: Ты знаешь... Но я скажу тебе еще раз то, что ты, я уверен, знаешь. Когда мы по-настоящему присутствуем, так как сейчас: я полностью здесь, и когда я полностью здесь,

вовлечен, с внутренним согласием делаю это, — как я и сказал ранее, когда я правда здесь, — это полное существование. Я не смогу получить больше, чем быть полностью «здесь-и-сейчас». Полностью быть вовлеченным и тогда, делая что-то таким образом, ты обретаешь вечность. Я могу делать это всегда, и я могу это отпустить: я был этим, я есть это и это — во мне. Мое пребывание в этом моменте стало реальностью. Чтобы обрести вечность, не нужно строить себе пирамиду. То, что ты делал, ты делал в вечности, и когда ты сделал это полностью, с внутренним участием, ты сделал это навсегда. Это означает превзойти временность своим полным участием. Ты никогда не забудешь, как ты играл с Майклом. Эта игра продолжится вечно. У игры есть продолжение. То, что ты делал с Майклом, но без вовлечения, это ушло, потеряно. Эти вещи нельзя спасти от их конечности. Но вещь, сделанную полностью, спасти можно. Эта вещь спасет и нас от переходящести всего. Мы берем у времени те вещи, с которыми у нас настоящая связь, которые мы по-настоящему любим. Такие вещи остаются навсегда.

Ты знаешь это?

Титус: Это не укладывается в моей голове.

Альфريد: Ты понимаешь, но теоретически?

Титус: Да! Мне кажется, что это очередная всеобщая теория, и ты пытаешься убедить меня, что все не так плохо.

Альфريد: Что является плохой вещью в твоём опыте?

Титус: Из плохого — то, что потерял любимых людей и в конце жизни я потеряю себя.

Альфريد: Ты потерял Майкла, и ты последуешь за ним, и я последую за Майклом, надеюсь, гораздо раньше тебя.

Титус: Мне сложно думать, что то время, которое я провел с Майклом и с другими людьми, которых я люблю, эти вещи попадают в вечность, только находясь в моей памяти, пока я помню их.

Альфريد: Но это ведь больше, чем память. Ты и есть эта память. Как еда, которую мы едим, конструирует наше тело. Сложности, с которыми ты столкнулся, насколько я пони-

маю... ты потерял Майкла, и ты потеряешь и других любимых людей, и свою жизнь в конце. Смерть Майкла была такой острой для тебя, потому что указала тебе на конечность жизни. Но жизнь — она конечна. С самого начала, не только когда мы состаримся. Жизнь такова. Жестока. Это реальность. Это и есть реальность жизни. И что мне с такой реальностью делать? Совершить суицид прямо сразу? И тогда все кончено, мне больше не нужно страдать? Или продолжать жить, не принимая реальности, и сказать: «Говорят, что человек смертен, но я не верю в это, и я не умру».

Титус (смеется).

Альфريد: Это отрицание реальности. Или я могу встретиться с реальностью и сказать: «Это правда, Майкл мертв. И я умру однажды. Как мне обойтись с этим? Что я могу?»

Титус: Я не знаю, я не знаю... я не знаю. Для меня важно понять, что мне делать со временем, отведенным мне, но, чтобы понять это, мне нужны гарантии того, что после смерти есть жизнь. Потому что в противном случае все, что я делаю, неважно. Я только говорю, что что-то имеет смысл для меня... Я хотел бы добраться до той точки.

Альфريد: Возможно, ты хочешь сделать свою жизнь памятником для других? Чтобы другие знали: то, что сделал, будет жить долго?

Титус: Нет, это не совсем то. Не мои дела, я сам хочу быть бессмертным! Я не хочу умирать! Мне все равно, достигну ли я чего-то, я хочу продолжаться *(все смеются)*!

Альфريد: Почему ты хочешь быть бессмертным? И почему это так забавно? Что забавного в бессмертии?

Титус: Я думаю, это потому что я нравлюсь себе. Я получаю удовольствие, проводя время с собой *(смеется)*. Я наслаждаюсь своей компанией. Это главная причина. Я хочу, чтобы моя личность продолжалась, тогда я смогу встретиться с его личностью.

Альфريد: Значит, ты очень любишь жизнь.

Титус: Да, я люблю жизнь.

Альффрид: И у тебя чувство, что ты не можешь получить столько ценности жизни, сколько тебе нужно? И когда ты проводишь хороший вечер, делаешь что-то, что наполняет тебя радостью... Был ли ты когда-нибудь счастлив, завершив какое-то дело?

Титус: Да.

Альффрид: Есть удовольствие увидеть что-то завершенным.

Титус: Но ключевой момент этого опыта — это я — тот, кто видит это завершение.

Альффрид: Сила или радость этого опыта в том, что я присутствую. И не хочу останавливать свое присутствие. Это то, что ты имеешь в виду?

Титус: Да!

Альффрид: Даже, когда вещи меняются, это присутствие остается. Оно все еще есть у тебя. Ты закончил одну работу, делаешь следующую, иногда ты слушаешь музыку... И ты продолжаешь существовать в моменте и получать удовольствие от жизни.

Титус: Да.

Альффрид: И представь, когда ты потеряешь свою жизнь, что это означает? Что ты потеряешь, когда умрешь?

Титус: Я все потеряю, это сложный вопрос, я не узнаю, что я потерял, меня же больше нет... Если бы я был, я бы сказал, что потерял все, что я люблю в себе, что мне нравится в себе. Всех людей, с которыми я был связан.

Альффрид: Хм-м... Я потерял радость жизни, витальность. И, конечно, мы знаем, это — реальность. Это сложно принять. Эта реальность означает, что я должен проживать то, что я делаю, свои ценности, свои отношения как подарок сегодняшнего дня. И чем больше я проживаю это, тем больше я вбираю ценности и обогащаюсь ими. И тем глубже приходит чувство: это так хорошо, жизнь хороша. Это то, где мы глубоко связаны с жизнью, и я могу сказать ей: «Да!» Я хочу продолжать жить, я не могу насытиться, почему? Потому что я ожидаю большего.

Титус: Это так.

Альфريد: Я хочу больше! Но в реальности у меня и так все есть. Вот сейчас, в нашем диалоге происходит жизнь. Глубокое полное понимание жизни — оно в настоящем. Здесь. Нет больше жизни, чем жизнь в это мгновение. В этой минуте и есть моя жизнь. И я живу эту жизнь, когда я принимаю ее, когда я вижу ее реально, со всеми ограничениями, потому что эти ограничения — они на пару минут, они закончатся. Это и есть жизнь: не бесконечное продолжение, а путь, событие, когда что-то становится реальным. И Майкл превратился в настоящее послание от жизни: возможно, тебе действительно стоит вернуться к игрушкам и играть, и быть полностью вовлеченным в это, и поиграть с Майклом, и, может быть, он расскажет тебе что-то про те игрушки, в которые вы играли вместе; дай ему шанс присутствовать и играть с тобой. В спиритуальном смысле. Разумеется, его больше нет. Но твое сердце все еще плачет о Майкле, и поэтому ты можешь играть вместе с ним. И когда ты будешь в этих отношениях, твое сердце примирится. И Майкл, возможно, расскажет тебе больше о том, чего ты до этого не знал: каково это, когда ты умираешь, и каково это — быть мертвым. Он был лучезарным улыбающимся мальчиком даже после операций (*а кто-то скажет: как это возможно, улыбаться после всего, что с ним было, — это какой-то трюк*). Когда мы переполнены радостью жизни и одновременно страдаем от боли. И Майкл научил тебя, что это возможно. И это так хорошо — поиграть. И иметь еще один, хотя бы один, день для жизни. Потому что мы не знаем, сколько дней нам осталось. Но послание жизни — такое же, как от Майкла: иди и играй, иди и делай то, что тебе нравится, и делай это от всего сердца, полностью вовлеченно. И тогда конечность жизни будет не так сложно принять. Ведь, когда я играю с Майклом, то получаю так много целостного, насыщенного, я получаю полную жизнь. Я не могу «вместить» больше жизни, чем играя с Майклом. Чем больше я получаю таких опытов, тем более насыщенной и полной, завершенной становится моя жизнь. У меня нет готового ответа на вопрос, который

ты задал. Это очень сложный экзистенциальный вопрос. Мы женимся, потому что любим этого человека и хотим больше дней провести друг с другом. Это одно из измерений нашего существования: хотеть быть живым. Но, с другой стороны, все меняется и все проходит, даже в браке происходят постоянные изменения и реструктуризация отношений, ничего не остается таким, каким было вначале. Тело тоже постоянно меняется. Так что, несмотря на желание вечности, мы имеем лишь постоянные изменения, они тоже бесконечны. Два принципа, которые борются друг с другом: мы любим жизнь и хотим продолжаться, и — это будет тяжело каждому из нас — умереть. Нам придется отказаться от любимых, разделить с ними. Это одна сторона. Но, с другой стороны, мы можем сказать, что я был честным и верным в моей жизни, я присутствовал по-настоящему. И я не могу «съесть» больше, чем дано в моменте. И в следующем. И мне не нужно больше. Потому что то, что пережил, играя с Майклом, это и был целый мир. И мне не нужно больше. Как это для тебя? Что ты думаешь по поводу идеи вернуться назад и поиграть с Майклом?

Титус: Да, (*пауза*) мне кажется, что это (*пауза*) с хорошая идея. Я всегда помню его и думаю о нем часто. И я думаю, что его жизнерадостность — это то, что осталось во мне.

Альфريد: И ты продолжаешь нести эту радость. Может быть, ты также чувствуешь злость, которая может встать между вами. Злость скажет: «Я не хочу принимать это».

Титус: Да.

Альфريد: А тогда ты должен спросить себя: почему я не могу принять это, как оно есть? Потому что я слишком гордый? Или потому, что я ранен этой потерей? Или я могу сказать: я осознал и принял это, как есть, Майкл умер — это реальность для меня, и я чувствую, что играть с ним было очень хорошо, и может быть, сегодня ночью он скажет мне: давай поиграем еще раз. И вы сможете поиграть вместе. Я желаю тебе хорошо поиграть с Майклом. Большое спасибо, Титус.

Спасибо тебе, Титус, за этот разговор, за то, что позволил принять участие всем нам в этом опыте. Я полагаю, вы пережили то же, что пережил я. На самом деле, это не просто — мочь справляться. Это задача нашей жизни — подготовиться к смерти: к собственной и смерти других. Что поразило меня больше всего, это любовь к жизни, и жестокость жизни, которая порождает цветок и заставляет его исчезать. Каждый год цветы тускнеют к осени, это и есть круг жизни.

Перевод с английского: В.Н. Волская

Научная редакция: С.В. Кривцова